

информацией. В русскоязычном общении аналогичную роль играют как заимствованные англицизмы *лол, кринж*, так и собственно русские сокращения *пж, спс* [3].

За этой внешней редукцией скрывается сложная коммуникативная задача – маркирование принадлежности к группе. Исследователи справедливо подчеркивают уникальную природу данного явления. В частности, М.А. Тарасевич отмечает: «Лексические особенности Интернет-дискурса обладают максимально яркой индивидуальностью, которая выражается как в наборе лексических единиц, так и в их взаимодействии и функционировании» [4, с. 209].

Помимо аббревиации, выразительность достигается за счет активного словообразования. Доминирующим способом выступает аффиксация, с помощью которой образуется около 44% неологизмов. В английском языке выделяются словообразовательные модели с суффиксами *-ie, -er, -ing*, а также *-ize: anonymize* и приставками *anti-, de-, re-: antivirus, de-accession* [5, 2].

Важно отметить роль заимствований-англицизмов в русскоязычном сегменте. Помимо номинативной функции (называние новых явлений, таких как *хайп, гайд, краш* [6]), они обладают мощным прагматическим зарядом, маркируя речь говорящего как «продвинутую», современную, принадлежащую к определенной субкультуре. В англоязычном дискурсе подобная функция маркирования «своего» реализуется через сленг, неологизмы (результаты словослияний: *twittersphere, tweetlanders* [5, с. 121]) или узкопрофессиональную лексику, а не через заимствования из другого языка. Использование подобных английских неологизмов русскоязычными подростками становится способом языковой игры. Это подтверждает тезис о том, что процесс образования новых слов в Интернете происходит в соответствии с правилами системы, однако при этом служит новым коммуникативным целям – созданию экспрессивного подтекста и фатическому единению собеседников [1; 4].

Заключение. Таким образом, специфика коммуникации в социальных сетях на прагматическом уровне детерминирована стремлением к компрессии текста при повышении его экспрессивности. И в английском, и в русском языках виртуальный дискурс демонстрирует высокую адаптивность, где структурные изменения лексики служат четким прагматическим целям: поддержанию контакта, экономии времени и формированию личностной идентичности. Перспективу исследования составляет более детальный анализ гендерной и возрастной вариативности использования данных прагматических маркеров.

1 Herring, S. C. Computer-mediated discourse / S. C. Herring // The Handbook of Discourse Analysis. – 2015. – P. 1–25.

2 Twitter (X) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://twitter.com>. – Дата доступа: 09.03.2026.

3 YouTube [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.youtube.com>. – Дата доступа: 09.03.2026.

4 Тарасевич, М. А. Лексические особенности современной интернет-коммуникации в английском языке / М. А. Тарасевич // Молодость. Интеллект. Инициатива : материалы XIV Междунар. науч.-практ. конф. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2026. – С. 209–210.

5 Ахренова, Н. А. Лингвистические особенности микроблогов / Н. А. Ахренова // Альманах современной науки и образования. – 2011. – № 9. – С. 119–122.

6 TikTok [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.tiktok.com>. – Дата доступа: 09.03.2026.

БИБЛЕЙСКИЕ МОТИВЫ В ПОВЕСТИ АЛЕСЯ АДАМОВИЧА «ПОСЛЕДНЯЯ ПАСТОРАЛЬ»

Щербина А.О.,

аспирант 1 курса ВГУ имени П.М. Машерова, г. Витебск, Республика Беларусь

Научный руководитель – Крикливец Е.В., доктор филол. наук, доцент

Алесь Адамович – уникальная фигура белорусской литературы. Он прожил самые болезненные страницы белорусской истории и в юности прошел через ужасы партизанской войны, что не могло не найти отражения в его творчестве. Будучи свидетелем многих событий, нашедших отклик в его душе, он стал одним из основоположников «сверхпрозы» – литературы, граничащей с документом и исповедью, главным акцентом которой стало сохранение памяти о катастрофах XX века. «Миссия литературы будущего

виделась Адамовичу-гуманисту прежде всего обращением к человечеству» [3, с. 36]. Адамович всегда стремился к предельной искренности в своих работах и исследованию человека в экстремальных условиях. Однако если его ранние работы опирались на реальные факты, то повесть «Последняя пастораль» уходит в область философской притчи с использованием образов из мифов и библейских мотивов.

«Последняя пастораль» стала реакцией писателя на Чернобыльскую катастрофу и угрозу ядерного самоистребления. В повести говорится не только о *«трагизме природы, но и о трагизме человека, утратившего связь с природой, понесшего наказание за свои недобдуманые действия»* [2, с. 277]. Автор намеренно отходит от бытового реализма, обращаясь к вечным образам, чтобы показать, что современный человек разрушил как экологию, так и саму метафизическую основу своего бытия.

Актуальность темы обусловлена не только необходимостью проведения литературоведческого анализа повести «Последняя пастораль» с целью выявления библейских мотивов, но и неослабевающим интересом к теме ответственности человека перед лицом истории за техногенные катастрофы, экологический кризис, а также недопустимости использования ядерного оружия. Цель данной работы – изучение специфики использования библейских сюжетов в повести «Последняя пастораль».

Работа выполнена в рамках научно-исследовательской темы «Гуманитарные науки как фактор сохранения и укрепления ценностного суверенитета государства», зарегистрированной в БелИСА (№ госрегистрации: 20260078 от 18.02.2026).

Материал и методы. Материал исследования – повесть Алеся Адамовича «Последняя пастораль». В работе применяются следующие методы исследования: описательно-аналитический, метод мифопоэтического анализа, метод интертекстуального анализа, метод контекстного анализа.

Результаты и их обсуждение. Для создания более насыщенных образов в философской притче о ядерном Апокалипсисе, Адамович использует библейские мотивы. В Библии история человечества начинается с пары в саду; в «Последней пасторали» пара на острове – это конец человеческого рода.

Главные герои (Он и Она) неспроста лишены имен, они – архетипы, являются Адамом и Евой атомного века. Пусть они и пытаются воссоздать подобие быта, их «Эдемом» стал радиоактивный остров, который из-за *«высоких стен из шевелящегося, затуманенного мрака»* [1, с. 25] будто бы *«на дне глубокого колодца или скорее воронки»* [1, с. 25], окруженный мертвым океаном, со *«жгутами черной воды»* [1, с. 17]. Пасторальная идиллия разрушается осознанием неизбежной гибели.

Есть в повести и образ Бога: главный герой предполагает, что все происходящее с ними следует умыслу *«Великого Драматурга, он же Великий Режиссер»* [1, с. 30]. И все же смерть человечества – это вина человека же. Если Бог создал все живое, люди все живое погубили, *«жертвовали оттого, что не любили»* [1, с. 47], причем по своей воле, а не по сценарию «Великого Драматурга».

Нарушение заповедей Бога привело к грехопадению, и если в Библии искупление грехов ведет к познанию добра и зла, то у Адамовича человечество уже совершило свой последний грех: нажало на ядерную кнопку – *«и человечества как не бывало!»* [1, с. 52]. Искупление в мире, где нет будущего, невозможно. Смерть всего живого – это рукотворный Всемирный Потоп, унесший бесчисленное количество жизней. *«Нетерпимость и жадность, стремление быть всегда и перед всеми правым, быть надо всем и всеми – вот ты истинный!»* [1, с. 59]. В этом техногенном варианте Всемирного Потопа вместо воды мир уничтожает радиация. Мотив конца света здесь лишен высшего смысла или очищения; это бессмысленная гибель всего живого.

Запретным плодом, погубившим человечество, стало ядерное оружие – плод гордыни и ложного всемогущества. Желание уподобиться Богу, решать судьбы других, *«отгрохать Ноев ковчег, космический. Чтобы на нем только чистые спаслись, а нечистых – на распыл»* [1, с. 39]. Ощущение собственного превосходства и неспособность признать свои ошибки не только побудили создать атомные бомбы, но и использовать их: *«Все и во всем всегда перед всеми правы! – если не это, то что тогда погубило?»* [1, с. 59]. Теперь же

«в кипящей от молний и штормов, заледеневшей саже погребено все – и правота одних и неправота других, все истины, все идеи, все слова» [1, с. 39].

Появление третьего героя тесно связано с мифологемой Каина, в очередной раз остроя внимание на мотиве братоубийства и соперничества в повести. Главная героиня тяжело принимает тот факт, что все человечество, братья и сестры, рожденные от природы, погибли от своих же рук и потому *«назвать нас Каинами для Нее мало, изобрела несуразное слово: Всекаины!»* [1, с. 8]. Адамович подчеркивает, что цивилизация прошла путь от первого до последнего человека, так и не изжив в себе насилие, превращающее абсолютно все в *«орудие собственной правоты, мучительства, казней, убийств»* [1, с. 59]. Мирное сосуществование пары разрушается агрессией, которая заложена в самой природе якобы «цивилизованного» человека.

В христианской традиции крещение – это обряд духовного рождения, очищения от грехов и входа в новую жизнь через погружение в воду. У Адамовича этот мотив подвергается трагической трансформации: в конце повести героиня входит в воды смертельно опасного радиоактивного океана юной и прекрасной, полной сил и надежд, а выходит старухой, у которой *«залитые слезой, потухшие глаза, запавший, без зубов рот, шея и лоб в фиолетовых пятнах, какие-то клочья вместо волос на святащемся черепе»* [1, с. 58]. Радиация убивает ее вместе с верой в будущее человечества.

Наконец, в отличие от библейского Апокалипсиса, за которым следует новое небо и новая земля, «Последняя Пастораль» не дает надежды на чудо. Ее финал – это стремительно надвигающийся ядерный смерч, и *«на наш берег, к острову со стороны черно вздувшегося океана все стремительнее надвигается, охватывает, сжимает оставшееся и все уменьшающееся пространство испещренная змеями-молниями стена мрака»* [1, с. 60]. В отличие от конца света как акта высшей справедливости Бога, ядерный апокалипсис – это самодеятельность человека, решившего поиграть в Творца. Но у человека-разрушителя нет созидательной силы Бога, человечество смогло разрушить «старое небо», но создать новое оно не способно.

Заключение. «Последняя пастораль» Алеся Адамовича – это глубоко символичное произведение, где библейские мотивы используются для усиления трагизма конца человечества. Если Библия начинается с сотворения мира, то повесть Адамовича – это хроника его окончательного разрушения. Человек, разрушивший храм природы, теряет право на роль венца творения. Адамович напоминает нам, что природа – это тот самый первоизданный Эдем, который был доверен человеку, и мы обязаны его беречь.

1 Адамович, А. М. Последняя пастораль / А. М. Адамович // Новый мир. – 1987. – № 3. – С. 3–60.

2 Крикливец, Е. В. «Экология души» в повестях В. Распутина, В. Астафьева, В. Козько, Б. Саченко / Е. В. Крикливец // Славянскія літаратуры ў кантэксце сусветнай: да 750-годдзя са дня нараджэння Дантэ Аліг'еры і 85-годдзя Уладзіміра Караткевіча : матэрыялы XII Міжнар. навук. канф. : в 2 ч. / пад рэд. Г. М. Бутырчык. – Мінск : БДУ, 2016. – Ч. 1. – С. 376–282.

3 Сабуть, А. Э. Концептуальность публицистики Алеся Адамовича / А. Э. Сабуть // Вестник науки и образования. – 2019. – №24-3 (78). – С. 34–37.

«МИРОВОЗЗРЕНИЕ БОЛИТ»: БЫТИЙНЫЕ ГЛАГОЛЫ В СКАЗКЕ А. ПЛАТОНОВА «ИЗБУШКА БАБУШКИ»

Щуцкий В.В.,

студент 4 курса ОГБПОУ «Смоленский педагогический колледж»,

г. Смоленск, Российская Федерация

Научный руководитель – Соловьёва Н.С., преподаватель

Андрей Платонов – один из самых необычных писателей XX века. Исследовательский интерес вызывает стиль автора, в котором исследователи отмечают семантические сдвиги (В. В. Буйлов, А. К. Котлов, М. А. Дмитриевская, Н. Б. Бугакова и др.). Актуальным остаётся аспект функционирования семантических полей в творчестве Андрея Платонова, который находится в фокусе нашего исследования.